

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-767-789

EDN: KDJYFI

Поляризация сельского пространства южных регионов России: крымский кейс*

Т.Ю. Гусаков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,

просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия,

(e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru)

Аннотация. В постсоветский период в регионах России усилилась социально-экономическая дифференциация. Она выражается в концентрации населения, капитала и инфраструктуры в агломерациях и курортных зонах при одновременном сокращении возможностей для развития периферийных территорий. В наибольшей степени этот процесс затронул малые и средние сельские населенные пункты, где наблюдаются депопуляция, снижение уровня занятости и ограниченный доступ к базовым услугам. В результате формируется устойчивая система неравномерного развития, закрепляющая различия между центром и периферией. Крымский полуостров демонстрирует концентрированное проявление этих тенденций: дифференциация пространственного развития усиливается сочетанием туристско-рекреационной специализации, различий в природно-ресурсных условиях и политико-административных трансформаций постсоветского периода. Контраст между прибрежными районами и крупными агломерациями, где сосредоточены инвестиции и рабочие места, и сельскими поселениями внутренней зоны, испытывающими отток населения и ограниченность ресурсов, делает регион показательным для анализа территориальных дисбалансов. В статье обозначены социальные механизмы, определяющие различия в динамике сельских территорий Крыма. Кейс-стади основано на историко-географическом и социально-экономическом анализе с использованием статистических и архивных материалов, картографирования и полевых наблюдений. Пространственная дифференциация рассматривается не только как результат экономических процессов, но и как форма социального неравенства, влияющая на жизненные стратегии сельских сообществ и структуру локальных практик жизнеобеспечения. Показано, что трансформация расселения в Крыму сопровождается сокращением числа малых деревень, концентрацией ресурсов в ограниченном числе центров и углублением сельско-городских асимметрий. Вместе с тем выявлены компенсаторные механизмы, основанные на неформальной экономике, горизонтальной мобильности и локальных формах взаимопомощи, что позволяет уточнить специфику трансформаций сельского пространства Крыма и расширить представления о механизмах территориальной дифференциации в постсоветской сельской местности.

*© Гусаков Т.Ю., 2025

Статья поступила в редакцию 15.05.2025. Статья принята к публикации 14.10.2025.

Ключевые слова: сельская местность; сельское расселение; пространственная поляризация; сельско-городские сообщества; миграции; урбанизация; пространственное неравенство

Для цитирования: Гусаков Т.Ю. Поляризация сельского пространства южных регионов России: крымский кейс // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4. С. 767–789. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-767-789>

Сельское пространство — территориальная структура, которая охватывает природные ресурсы, инфраструктуру, производственные зоны, культурный ландшафт, а также социально-экономические процессы, формирующие и поддерживающие сельские поселения [1; 45]. Сельское пространство включает перечисленные элементы и одновременно трансформируется под их влиянием [70]. Сельское расселение в таком контексте выступает не просто формой размещения сельских населенных пунктов (СНП) в пространстве, но и иерархической системой, формирующейся под влиянием факторов разной природы [44]. Так, миграции — и демографическое явление, и механизм адаптации сельского пространства к структурным изменениям [34].

Сегодня одна из ключевых глобальных тенденций — усиливающаяся поляризация сельского пространства, которая проявляется в увеличении неравенства между развитым центром с выгодным экономико-и транспортно-географическим положением и периферийными сельскими территориями, переживающими экономическую стагнацию, демографическое старение и деградацию инфраструктуры [33; 55]. Пространственная поляризация приводит к формированию устойчивых «зон роста» и «зон сжатия»: население и экономическая активность концентрируются в ограниченном числе центральных мест, оставляя значительные территории за бортом изменений, в статусе периферийных или депрессивных («глубинки») [2; 54]. В результате малые поселения становятся еще меньше, а крупные — еще больше; в основном инвестиции призваны поддерживать вторые, что усиливает поляризацию сельского пространства и способствует сокращению освоенной территории.

Процессы поляризации расселения не только отражают пространственные различия, но и воспроизводят социальные неравенства. Еще классики социологической мысли отмечали взаимосвязь организации пространства и социальной структуры: Ф. Теннис противопоставлял традиционные сельские «общины» (*Gemeinschaft*) более обезличенным городским «обществам» (*Gesellschaft*) [53]; Э. Дюркгейм рассматривал переход от механической к органической солидарности как следствие усложнения территориального и социального устройства [16]; Г. Зиммель связывал специфику городской жизни с концентрацией населения и ростом социальных дистанций [19]. В XX веке идеи «городского образа жизни» [71] и «человеч-

ческой экологии» [69] подчеркнули воздействие пространственных форм расселения на социальные отношения и идентичность. Сегодня исследователи трактуют поляризацию как процесс закрепления структурного неравенства в территориальных формах [64; 66]. Анализ сельско-городской поляризации позволяет выявлять пространственные трансформации и рассматривать как социальный процесс изменения форм солидарности, мобильности и устойчивости локальных сообществ.

Поляризация сельской местности может быть интерпретирована и как результат неравного распределения экономического, символического, культурного и социального капитала. Прибрежные зоны и агломерации аккумулируют разные виды капитала, в то время как периферийные территории сталкиваются с их дефицитом, что способствует вытеснению локальных сообществ на обочину социально-экономической жизни: «сжатие» пространства — не только физический, но и социальный процесс, ведущий к утрате локальной идентичности, разрыву социальных связей и трансформации привычных жизненных укладов [65; 72], поэтому неформальные практики и миграция становятся формами агентности сельских жителей, их способом противостояния структурным ограничениям. В постсоветский период процессы поляризации обрели особую интенсивность вследствие резкого снижения роли сельского хозяйства, усиления урбанизации, деградации социальной инфраструктуры и сокращения инвестиций в сельские территории [21]. Постсоветские деаграризация и «сжатие» сельского пространства обусловливают исчезновение малых СНП, ухудшение транспортной доступности и социальной инфраструктуры, что порождает пространственные разрывы без какой-либо экономической активности и крайне неоднородные между поселениями [38; 55].

Российские южные регионы, исторически обладавшие схожими природно-географическими условиями, агроклиматическим потенциалом и структурой расселения, сегодня отличаются стратегическим положением в зоне пересечения важнейших транспортных и миграционных путей, спецификой аграрного развития и сходными процессами пространственной дифференциации сельских территорий (поляризация, агломерирование и формирование дачно-рекреационных поясов вокруг городских центров) [47]. Крымский полуостров, как и другие южные регионы, демонстрирует общие тенденции пространственной поляризации, но с существенной региональной спецификой. Среди уникальных факторов сельского расселения Крыма выделяют этническую структуру и ее динамичные изменения под влиянием миграции, а также сложные природно-климатические условия (особенно засушливость климата и недостаток водных ресурсов в степной зоне) [5; 12], которые традиционно препятствовали распространению хуторского

(дисперсного) типа расселения, предопределяя преобладание коллективных форм [15].

Сельское пространство Крыма нельзя анализировать исключительно через формальные экономические и институциональные категории, поскольку важную роль в жизнеобеспечении сельских домохозяйств играют неформальные практики — от огородничества и самозанятости до несанкционированного строительства и сезонной мобильности [39]. Эти практики формируют альтернативную устойчивость сельского уклада, особенно в условиях слабых институтов и ограниченного доступа к инфраструктуре. Изучение пространственной поляризации сельского пространства на примере Крымского полуострова позволяет не только глубже понять механизмы территориальной дифференциации, характерные для сельских территорий южных регионов, но и определить возможные траектории их развития, учитывающие местную специфику и внутреннюю гетерогенность сельских территорий. Сочетание количественных и качественных методов обеспечило целостное рассмотрение сельского пространства как социальной системы, в которой пространственная поляризация проявляется через изменение структур занятости и миграции, механизмов устойчивости локальных сообществ.

Современное сельское пространство южных регионов России и Украины формировалось с конца XVIII века после включения в состав Российской империи. Тогда же началось активное заселение и земледельческое освоение юга (например, на Кубани возникли куренные селения — станицы, которые быстро развивались, достигнув значительных размеров и сформировав опорный каркас сельского расселения). Параллельно в северных уездах Таврической и в Херсонской губернии возникали поселения государственных крестьян (малороссов), переселенцев-старообрядцев (духоборов, молокан) и иностранных земледельцев (немцев-меннонитов), которых привлекали благоприятные агроклиматические условия и налоговые послабления [22]. Эти колонии часто имели форму крупных СНП с регулярной планировкой и трудоспособным населением. До середины XVIII века значительная часть Северного Причерноморья оставалась территорией кочевого расселения без постоянных поселений, где проживали ногайцы [18]. Только в первой половине XIX века они седентаризировались, сформировав постоянную сеть аулов на юге современных Херсонской и Запорожской областей.

Уже в этот период на юге сложилось характерное сочетание двух моделей расселения: крупных устойчивых поселений (станиц, колоний, казенных деревень) и мелких форм (хуторов, усадеб, экономий, отрубов). Малых СНП стало особенно много после Столыпинской реформы [24]. Для Крыма характерной чертой было слабое развитие сельской общины [4], что облегчало индивидуализацию землевладения и последующее

укрупнение поселений в советское время. Политика внутренней колонизации [68] позволила закрепить за Россией южные территории и модернизировать хозяйственную структуру, стимулируя переселение на юг представителей «надежных» групп. Немецкие земледельческие колонии (особенности меннонитов) на рубеже XIX–XX веков сформировали сеть этнического расселения на основе эффективной хозяйственной специализации и ранней механизации агропроизводства. Несмотря на малый масштаб, подобные поселения часто имели прочную экономическую основу и демонстрировали высокий уровень самообеспечения, что позволяет рассматривать их в качестве примера стабильной мелкоселенной структуры [28] с локальными центрами [35].

Советский этап ознаменовался резкой институциональной перестройкой сельской сети: хутора, отруба, мелкие СНП признавались неэффективными и ликвидировались, на Кубани и в степях Украины активно велась политика сселения в более крупные пункты. Административное укрупнение колхозов, особенно в 1950-е годы, сопровождалось объединением соседних населенных пунктов: в Крыму было снято с учета 566 СНП [15], в УССР — ликвидировано 1502 «неперспективных» СНП [25]. В то время как в северных и западных областях УССР сельское население долгое время сохраняло устойчивость или росло, в южных регионах (включая степные части Крыма, Херсонской и Запорожской областей) уже в 1960-е годы отмечались признаки стагнации и оттока [6].

К началу 1980-х годов сельское расселение юга трансформировалось: место преобладающих хуторов и малых СНП заняли крупные многофункциональные села — центральные усадьбы укрупненных коллективных хозяйств, районные центры и пригородные СНП, которые выполняли и обслуживающую функцию для окрестных населенных пунктов с неразвитой инфраструктурой. Средняя численность одного сельского населенного пункта существенно возросла: в а Черноземную зону в 1970 году приходилось более половины СНП СССР с населением свыше тысячи человек [24].

Постсоветский период привел к дальнейшему расслоению сельского пространства: в отличие от северных регионов, особенно Нечерноземья, где депопуляция началась значительно раньше, южные регионы долгое время сохраняли демографическую стабильность [3; 37] — здесь позднее началась урбанизация, дольше сохранялась занятость в аграрном секторе и выше была вовлеченность сельских территорий в пригородные и внешнеэкономические связи. Но в 2000–2010-е годы и здесь оформились общие негативные тренды: исчезновение малых СНП, сокращение освоенной территории, поляризация сельского пространства [36]. Наиболее отчетливо эти процессы проявляются на Крымском полуострове, где исторические, этно-демографические и природно-ресурсные особенности наложились на общероссийские и постсоветские тренды (развитие курортных зон в сельской местности, деграда-

ция неорошаемых степных районов и формирование опорных узлов в зонах транспортной и производственной концентрации).

Современная система сельского расселения региона начала формироваться во времена Крымского ханства — опорными пунктами расселения были города. Они, во многом основанные в более ранние исторические эпохи, располагались на побережье, по краям полуострова и в предгорной зоне, обеспечивали торговько-экономическое взаимодействие Крымского ханства с другими странами. После смены принадлежности полуострова и разорения городов новые правители основывали поселения в тех же местах (на месте Керкинитиды стоит Евпатория (Гезлев, Козлов), на месте Неаполя Скифского — Симферополь (Акмесджит, Ак-Мечеть), на месте Херсонеса Таврического — Севастополь (Ахтиар) и т.д.). Во внутренних степных районах были дисперсно рассеяны небольшие населенные пункты крымских татар, сгущавшиеся в речных долинах и предгорной зоне с более мягким и влажным климатом. Степные населенные пункты возникали преимущественно у пастьбищ и источников воды [11]. Таким образом, на Крымском полуострове исторически преобладало мелкоселенное сельское расселение, которое сложилось после оседания кочевников и формирования крымскотатарской сельской общины в конце XV века [30].

Вывод христианского населения из Крыма в Приазовье в 1771 году (создание поселений в районе современного Мариуполя), социально-экономические трудности 1774–1783 годов и начало эмиграции крымских татар не позволяют точно оценить, какими по людности были СНП в Крымском ханстве. По состоянию на 1783 год на один СНП Крыма приходилось около 10 дворов (в предгорьях — 11, в степной зоне — 8) [31]. Спустя два десятилетия российского владения (1805) более половины населенных пунктов имели менее 100 жителей и были равномерно рассеяны по равнинной части полуострова. Инициированные правительством переселения казенных крестьян и иностранных колонистов были направлены в основном в северные районы Таврической губернии, частью которой с 1802 года стал Крым.

Наиболее существенные изменения в расселении Крыма произошли во второй половине XIX века вследствие массового исхода крымскотатарского населения после Крымской войны — были полностью оставлены и разрушены 315 сельских поселений (четверть всех СНП того времени) [51], особенно в степных районах. На месте покинутых деревень медленно формировалась новая сеть (за счет привлечения переселенцев из внутренних губерний и иностранных колонистов). На рубеже XIX–XX веков сельское расселение начало трансформироваться из мелкоселенного в укрупненное за счет массового притока переселенцев в существующие и новые населенные пункты.

Несмотря на благоприятные условия для хуторского расселения в равнинной части, его распространение было ограничено природными факторами, прежде всего дефицитом водных ресурсов. В условиях аридного климата и значительной глубины залегания подземных вод [32] расселение в автономных усадьбах (хуторах) было затруднительным. Для обеспечения водоснабжения требовалось устройство глубоких колодцев, которые редко были по силам одному хозяйству. Как показывают архивные этнографические и географические материалы конца XIX — начала XX веков, колодцы часто строили вскладчину несколькими дворами, деревней или сельским обществом, что предполагало коллективную модель расселения, а не индивидуально-хуторскую.

Природно-климатические особенности Крыма способствовали формированию пространственной неоднородности сельского расселения [17]. В степной зоне населенные пункты были равномерно размещены по территории для удобства ее обработки и выпаса скота, в предгорьях и горных районах — приурочивались к долинам, балкам, рекам и дорогам, иногда составляя сплошные цепочки поселений (например, вдоль рек Альма, Бельбек, Биюк-Карасу, Кача, Салгир). Несмотря на очевидную инфраструктурную неразвитость, поселения были укоренены в ландшафт и обеспечивали ощущение достатка и комфорта [26], т.е. формы расселения и жизнедеятельности дореволюционного времени были адаптивной стратегией освоения аридной среды, основывались на локальных знаниях, укорененных в культуре, и природных условиях (табл. 1).

Таблица 1
Сельское население и средний размер СНП Крымского полуострова

Год	Численность сельского населения	Средний размер СНП	Год	Численность сельского населения	Средний размер СНП
1783	0,11	0,08	1939	0,54	0,7
1805	0,14	0,13	1959	0,42	0,42
1864	0,19	0,1	1970	0,67	0,74
1886	0,16	0,27	1989	0,75	0,82
1897	0,32	0,3	2001	0,78	0,83
1921	0,39	0,2	2014	0,96	0,92
1926	0,4	0,18	2021	0,99	0,95
1937	0,49	0,48			

Политика Советского государства внесла наиболее существенные изменения в сельское расселение: коллективизация 1930-х годов сопровождалась укрупнением хозяйств и трансформацией поселенческой сети; образование

колхозов способствовало появлению новых населенных пунктов — центральных усадеб, поселений при фермах, отделениях крупных совхозов (иногда на месте бывших частновладельческих имений, экономий, усадеб и пр.), артелей и др. Например, в рамках программы КомЗЕТ по аграризации еврейского населения в 1927–1935 годы в Северном Причерноморье было создано пять еврейских национальных районов (из 88 земледельческих поселков) [29; 40]. Еврейские населенные пункты были созданы и на других территориях [41].

В годы Второй мировой войны в Крыму были полностью разрушены сети этнического расселения крымских татар, немцев, болгар, греков и армян вследствие депортаций и уничтожения поселений в период оккупации — исчезло 311 СНП [61]. На месте некоторых из них в послевоенные годы власти расселяли переселенцев из внутренних областей РСФСР и УССР. Нередко создавались неустойчивые сельские структуры, не адаптированные к природно-ресурсным условиям, причем прежние инфраструктурные связи утратили системность, что снижало устойчивость и воспроизводство сельского уклада [48]. Административные переселения изменили этническую структуру и увеличили размеры населенных пунктов (за счет слияния нескольких малых СНП в один или размещения переселенцев в оставшихся крупных поселениях и упразднения малых).

Урбанизация 1950–1980-х годов в Крыму совпала с мощным притоком переселенцев в сельскую местность, что было санкционировано властями для восполнения демографических потерь вследствие депортаций. Однако доля сельского населения за советский период сократилась с 54,3 % (1921) до 35,7 % (1989), поскольку жители уезжали в города, а некоторые крупные села были преобразованы в поселки городского типа. В Крыму средний размер СНП увеличился более чем в 10 раз: с 0,2 тысячи жителей в 1921 году до 2,3 тысяч в 1989 [46]. В 1960–1980-е годы реализовывался проект по преобразованию крупных СНП в экспериментально-показательные села [25]. До строительства мелиоративной системы (Северо-Крымского канала) в 1960-е годы водообеспечение было проблемным, что сдерживало расселение и консолидацию СНП в засушливых районах [42]. Кроме того, многие сельские районы в послевоенный период испытывали долговременную институциональную недоинвестированность [10], особенно в центральной и восточной частях Крыма.

Во второй половине XX века на численность сельского населения стало оказывать существенное влияние естественное движение, а значение миграций снизилось [14]. После завершения переселенческой кампании (1976) [49] убыль сельских жителей сопровождалась старением демографической структуры вследствие усиления невозвратной миграции молодежи. Позднесоветский период сельские респонденты оценивают по-разному: бывшие колхозники, в том числе функционеры, называли этот период апогеем

советского аграрного развития (относительно высокие доходы работников, возможность накопления, колхозы-миллионеры, благоустройство села), а представители образованной сельской молодежи и жители, работавшие в других сферах, в том числе маятниковые мигранты, — временем сельской бесперспективности (снижение культурного уровня и рост алкоголизма, предопределенность жизненной траектории «школа—училище—колхоз», отсутствие мотивации и амбиций, трудовая апатия).

Таким образом, советское административное вмешательство в традиционные системы расселения порождало неустойчивые пространственные формы, разрушая исторически сложившихся хозяйствственные уклады и расселенческие модели [50]. Новые поселения, созданные вне логики природно-социальной адаптации, часто страдали от нехватки ресурсов, слабых горизонтальных связей и высокой зависимости от централизованных структур, что предопределило их уязвимость в постсоветский период, когда снижение рождаемости и повышение смертности привели к естественной убыли, усилив депопуляцию сельской местности. Параллельно происходила деагарнизация села — снижение роли сельского хозяйства как источника занятости и доходов для сельского населения на фоне импульсивной ликвидации коллективных хозяйств. В 1990-е годы усилилась натурализация сельского хозяйства: значительная часть сельских жителей, оставшихся без работы, вынуждена была развивать личные подсобные хозяйства как основной источник выживания. Подспорьем стала распродажа колхозных имущественных фондов (сельскохозяйственная техника, скот), которые приобретались бывшими колхозниками и стали источником получения дохода. В дальнейшем наиболее предпримчивые жители села использовали купленную технику, скот, арендованные у односельчан земельные паи для развития крестьянских фермерских хозяйств [13].

После 2000 года значительная часть крымчан перестала заниматься сельским трудом: часть трудоспособного населения мигрировала, переориентировалась и включилась в возросший поток маятниковой трудовой миграции в ближайшие города и поселки с развивающейся сферой услуг, либо же уходила на заработки за пределы сельской местности (на стройки, в сезонную сферу услуг на Южном берегу Крыма и др.). В постсоветский период в структуре СНП возросла доля населенных пунктов, выполняющих преимущественно жилые и «спальные» функции без значимой экономической активности. Кроме того, возросла рекреационная функция сельских территорий — разрослась сеть садоводческих и дачных товариществ, жилье в СНП стало использоваться горожанами в качестве дач (в том числе дома пожилых родителей).

Миграционные процессы оказали двойственное влияние на социальное развитие сельских территорий. С одной стороны, отток сельских жителей (как внутренний — в города, так и внешний — за пределы региона) усилил депо-

популяцию периферийных СНП в степной зоне (особенно в районах северного Крыма, Керченского и Тарханкутского полуостровов). С другой стороны, наблюдалась и положительная миграция благодаря депатриации крымских татар и представителей других депортированных народов — свыше 260 тысяч человек вернулись на полуостров [20] и были расселены преимущественно в существующих СНП, лишь изредка создавая новые поселения. Репатрианты несколько «омолодили» население части СНП и замедлили их социально-экономический спад, заселившись в дома, высвобождавшиеся в результате оттока славянского населения на историческую родину (в регионы Белоруссии, России и Украины).

В целом демографическая картина сельского Крыма остается неоднозначной. Периферийные аграрные и горные районы страдают от оттока и старения населения [7], сельское хозяйство становится высокотехнологичным и не требует большого числа работников (холдингизация аграрного сектора сокращает рабочие места на селе), усиливается депопуляция слаборазвитых мелких СНП при одновременном росте населенности крупных поселений. Так, число занятых в сельском хозяйстве в негородских районах Крыма в 2017–2024 годы сократилась почти на треть при относительной стабильности численности сельского населения. Как и в других южных регионах, в аграрном секторе важную роль играет неформальная занятость, импульсивно возросшая в 1990-е годы как реакция на кризис системы колхозов и пауперизацию сельского населения. Во многих случаях, особенно в крупных СНП, уход в теневую экономику (отходничество, личные подсобные хозяйства, торговля и др.) позволил выжить сельским сообществам.

Таблица 2

Динамика занятости населения сельских муниципальных районов Республики Крым, тыс. чел.

Год	Все отрасли	Сельское хозяйство
2017	74,9	10,6
2018	74,9	8
2019	77,1	8,7
2020	78,5	8,4
2021	79,6	8,1
2022	78,8	7,5
2023	78,2	6,8
2024	76,6	7,6

Большая часть трудоспособного сельского населения либо занята в бюджетной сфере (образование, здравоохранение), которая постепенно сокращается в депрессивных районах, либо вовлечена в маятниковую миграцию

в близлежащие города, что закрепляет поляризацию сельского расселения: крупные населенные пункты (особенно в пригородах) относительно стабильны, а множество малых страдает от депопуляции и неустанно сокращается. Трансформация занятости ведет не только к экономическим, но и к социальным изменениям: утрате профессиональной идентичности, связанной с сельским хозяйством, и формированию гибридной идентичности «сельско-городского жителя», который вынужден совмещать несколько видов деятельности и социальных ролей, что отражает общемировой тренд на размывание жестких границ между сельским и городским образом жизни и формирование сельско-городского континуума.

Плотность населения Крыма резко различается по городским окружам и сельским районам, что наглядно отражает пространственную поляризацию [56]. Наибольшая концентрация населения наблюдается в крупных городах — Симферополе (3294 чел./км²), Евпатории (1818), Керчи (1437), Джанкое (1428) и Красноперекопске (1141), в то время как большинство муниципальных районов характеризуются крайне низкой плотностью (например, Черноморский — 20,1, Ленинский — 20,7, Красноперекопский — 21,6 чел./км²). Исключение — Симферопольский район, прилегающий к столице, где плотность населения составляет 96 чел./км², что объясняется субурбанизацией и макутниковой миграцией в административный центр региона (Симферополь) [56].

Важное значение в пространственной организации играет транспортно-географическое положение: населенные пункты, расположенные вблизи крупных центров и вдоль ключевых транспортных артерий, сохраняют более высокую численность населения и развитую инфраструктуру, что связано с доступностью рабочих мест и услуг. В пригородных зонах плотность сельского населения в разы выше, чем на периферии; сеть крупных населенных пунктов здесь лучше сохранилась, а жители чаще совмещают занятость в сельском хозяйстве и городах, что поддерживает социально-экономическую устойчивость таких территорий. Обратная ситуация наблюдается в отдаленных степных районах с плохой транспортной доступностью, где вывод земель из сельхозоборота и депопуляция протекают более интенсивно, а инфраструктурная деградация становится хронической проблемой. Пространственная асимметрия усиливает разрыв в уровне жизни, доступности услуг и инвестиционной привлекательности между городскими и сельскими территориями, определяя противоречия в развитии сельского пространства.

В Крыму, как и других южных регионах, поселения с выгодным транспортно-географическим положением более устойчивы. Исторически строительство автомобильных и железных дорог стимулировало рост узловых сел и поселков [27]: благодаря расположению на транспортных и торговых путях они привлекали население и инвестиции, трансформируясь из мелких в крупные, тогда как СНП в стороне от основных путей чаще приходили в упадок. Например, в первой половине XX века большинство

восточных центров степного Крыма проиграли пристанционным поселкам, которые стали новыми локальными центрами сельского расселения.

Каркас современного сельского расселения Крымского полуострова сложился в основном в советский период в ходе землеустройства и создания сельскохозяйственных ареалов. Его опорными точками являются обслуживающие центры (поселки городского типа) и крупные села, где в недавнем прошлом размещались центральные усадьбы коллективных хозяйств. Параллельно происходило дачное и рекреационное освоение сельской местности — расселение дополнялось развитием сети садоводческих товариществ, рекреационных комплексов и дач [33].

В постсоветское время сельское пространство южных регионов России, в том числе Крыма, приобрело выраженную полифункциональность и все в меньшей степени определяется аграрным сектором. Здесь существуют разнообразные типы поселений — от депрессивных малых СНП с остаточным населением до приморско-курортных агломераций и пригородных СНП с преобладающей жилой функцией. Массовое дачное освоение сельской местности привело к тому, что вокруг Симферополя, Севастополя, Керчи и других городов образовались целые пояса СНТ, частично легализованные через «дачную амнистию» и включенные в схемы пространственного развития муниципалитетов. Некоторые из них постепенно превращаются в полноценные населенные пункты или городские массивы с капитальной застройкой и постоянными жителями, однако до сих пор остаются вне правового поля (не имеют официального статуса).

Параллельно с дачным освоением происходила субурбанизация, например, ряд СНП фактически интегрировались в Симферопольскую агломерацию, став «спальными районами» с индивидуальной жилой застройкой. Их жители регулярно совершают маятниковые поездки в город, пользуясь развитой сетью общественного транспорта (маршруты часто имеют конечные остановки в этих селах) (подобные явления характерны не только для Крыма, но и для Ростовской области и Краснодарского края). Кроме того, вследствие резкого роста стоимости земельных участков и жилья активизировалось строительство домов в пригородах Симферополя с более низким уровнем цен.

Курортно-рекреационная функция, особенно значимая для Крыма, усиливает территориальную специализацию сельских районов. Приморские СНП Южного берега Крыма и побережья Азовского моря трансформировались в туристические поселки с сезонной концентрацией населения. В них активно развиваются частные базы отдыха, гостевые дома и сфера услуг, при этом сельскохозяйственные функции либо полностью утрачены, либо сведены к минимуму. Аналогичные процессы наблюдаются в курортных поселках Краснодарского края, что свидетельствует о складывании приморско-курортных агломераций. В Крыму к ним относятся Евпаторийско-Сакская,

Ялтинско-Алуштинская и Феодосийско-Судакская зоны — цепочки взаимосвязанных населенных пунктов с высоким уровнем инфраструктурной интеграции, разорванные лишь природными преградами (горными массивами, водными акваториями).

Сельская экономика полуострова также диверсифицировалась: в предгорьях развиваются экотуристские проекты, винодельческие маршруты и агротуризм, в степных районах формируются новые очаги экономического роста на основе тепличных и садоводческих комплексов (крупные агрохолдинги, крестьянские фермерские хозяйства). Эти предприятия часто берут на себя и социальные функции: создают рабочие места, благоустраивают общественные пространства, финансируют развитие социальной инфраструктуры, компенсируя слабость государственных механизмов поддержки, особенно до 2014 года. Многие туристические объекты развиваются без участия местных сообществ: в глазах предпринимателей сельские жители не обладают нужными компетенциями и отстранены от инноваций [43]. Однако такая многослойность развития не исключает деградации периферийных территорий, лишенных выгодного экономико-географического положения или значимой для муниципалитетов экономической активности, — для них характерны депопуляция, «оптимизация» социальной инфраструктуры и утрата привлекательности даже в качестве сезонного места жительства.

Сельское расселение завершает переход от мелкоселенного (множество малых СНП) к среднеселенному типу с опорными пунктами, играющими роль кустовых центров. В этих центрах концентрируются ресурсы, население и основные сервисные функции, что повышает устойчивость всей сети, но усиливает поляризацию сельского пространства и депопуляцию отсталых населенных пунктов [62]. Крымский полуостров выступает не только территорией депопуляции села — многие равнинные поселения демонстрируют высокую степень устойчивости к сложным социально-экономическим условиям (отсутствие работы, сжатие экономического пространства, апатия сельских сообществ). В них сохраняются личные подсобные хозяйства, горизонтальные связи, маятниковая и сезонная трудовая мобильность. Повседневной практикой здесь становится сочетание сельской оседлости с активным использованием ресурсов близлежащих обслуживающих центров. При этом постепенно снижается доля натурального хозяйства: молодое и трудоспособное население все реже использует землю как источник продовольствия, предпочитая потребительский образ жизни, основанный на заработках в городах. Сельские жители все чаще зависят от внешних центров, увеличивается количество поездок за товарами, медицинскими и административными услугами [63].

Опорными точками устойчивости сельского каркаса расселения Крыма стали индустриальные и транспортные узлы: Джанкой, Красногвардейское, Армянск, Саки, Керчь. Вокруг них концентрируются рабочие места, логистика, услуги и существенные потоки маятниковых перемещений сельских жи-

телей округа. Эти поселения не только обеспечивают занятость, но и структурируют окружающее сельское пространство, формируя «зоны тяготения» социально-экономического и демографического характера. Влияние их распространяется также на сферу образования, здравоохранения и торговли, поскольку в них находятся учреждения и объекты, недоступные в малых СНП. Многие сельские жители, особенно в условиях слабой инфраструктуры, ориентированы на эти города в повседневной мобильности. Кроме того, вблизи таких центров наблюдается частичная трансформация СНП в «спальные» пригороды, где сохраняется аграрная специализация, но занятость населения все больше связана с внешними, преимущественно городскими, рынками труда. Такие процессы особенно выражены вдоль ключевых транспортных артерий и в зонах агломерационного влияния крупных центров, что усиливает поляризацию сельского пространства, но одновременно создает предпосылки для устойчивого пригородного развития.

И, наконец, важной особенностью сельского развития Крыма стало формирование репатриантского расселения вследствие стремительного возвращения депортированных народов в условиях правовой неопределенности, дефицита земельных ресурсов и несовершенства институциональных механизмов миграционной политики. В этих условиях расселение носило преимущественно децентрализованный и стихийный характер — лишь в редких случаях новые поселения репатриантов создавались организованно, например, Айкаван (армянский), Акрополис (греческий), Ана-Юрт (крымскотатарский) в пригородах Симферополя, а также возрожденное село Сары-Баш (бывшее Танино) в Первомайском районе [33]. Подавляющее большинство репатриантов оседало разрозненно, часто через несанкционированное строительство. Репатриация привела к формированию около 238 массивов компактного проживания на землях, не предназначенных для индивидуального жилищного строительства, зачастую на окраинах существующих населенных пунктов, и эти массивы были лишены базовых коммуникаций. Кроме того, несанкционированная застройка на землях колхозов в пригородных зонах Симферополя и других городов полуострова привела к появлению скоплений домовладений, получивших название «поляны протеста» или «самозахваты»; часть из них не была легализована и впоследствии демонтирована по решению властей.

Массивы компактного проживания репатриантов хотя и дополнили существующие населенные пункты, но породили масштабные инфраструктурные проблемы. Многие из них долгие годы не были обеспечены питьевой водой, электроэнергией, дорогами с твердым покрытием, медицинскими и образовательными учреждениями. Несмотря на эти ограничения, жители данных сообществ демонстрировали высокую степень самоорганизации, формировали горизонтальные связи и этнокультурную сплоченность, тем самым встраиваясь в картину сельской гетерогенности Крыма как особого типа этнического и адаптивного расселения и жизненного уклада, соче-

тающего отдельные элементы традиционного села, мигрантского анклава и дачного хозяйства. В итоге локальные сельские сообщества репатриантов создали «ландшафты выживания» в условиях нехватки ресурсов и нестабильности [67], где при отсутствии централизованного обеспечения возникли устойчивые формы самоорганизации. Эти сообщества можно рассматривать как форму «воображаемых общностей» в миниатюре, где общая история депортации и возвращения становится основой для коллективной идентичности и взаимоподдержки (социальный капитал компенсирует отсутствие капитала институционального).

Сельское пространство Крымского полуострова остается сложной и внутренне неоднородной структурой, в которой существуют процессы роста, деградации и адаптации. В этой ситуации сложно говорить о едином тренде: одни поселения превращаются в рекреационные поселки, другие — в спальные районы, третьи — теряют население, но сохраняют устойчивость за счет внутренних ресурсов. Особенность сельского Крыма заключается не в универсальности развития, а в его гетерогенности, позволяющей приспосабливаться к самым разным социально-экономическим, геополитическим и административным условиям. В отличие от классической дихотомии «город—село» современное расселение Крыма формирует сельско-городской континуум, внутри которого пространственная и социальная мобильность, сезонные колебания численности и транспортная доступность играют ключевую роль, что характерно не только для Крыма, но и для российских регионов в целом.

Таким образом, развитие сельского пространства южных регионов в постсоветский период демонстрирует тенденцию к полифункциональности: традиционный аграрный уклад дополняется рекреационными, селитебными и транзитными функциями, что делает эти территории зонами миграционного притяжения, особенно для выходцев из климатически и экономически менее благополучных регионов. В отличие от Центральной России, где доминирует влияние столичной агломерации, южные сельские территории развиваются за счет локальных индустриальных, транспортных и курортных узлов, формируя новые модели пространственной организации. Сельское пространство Крымского полуострова сочетает неоднородные природные условия, исторически сложную структуру расселения, этнокультурное разнообразие и институциональную нестабильность. Переход от преимущественно мелкоселенного аграрного к средненаселенному полифункциональному типу сопровождается ростом пространственной поляризации: пригородные и приморские поселения получают новые стимулы развития, тогда как степная периферия сталкивается с депопуляцией, старением населения и деградацией инфраструктур, в результате перераспределение ресурсного потенциала в пользу узловых центров сопровождается «сжатием» освоенного пространства.

Устойчивость сельских территорий определяется не только наличием инвестиций и институциональной поддержки, но и деятельностью местных сообществ: их способностью к самоорганизации, участию в неформальной экономике, мобильности и сетевым связям с городами. В этих условиях возрастает значение территориального общественного самоуправления, кооперации, горизонтальных связей и локальных инициатив, которые даже в условиях слабой муниципальной экономики способны поддерживать жизнеспособность сельских поселений и сопротивляться структурному неравенству. Пример Крыма показывает, что поляризация не исключает устойчивого развития, но меняет его смысл: устойчивость проявляется не в равномерном росте, а в способности поддерживать разнообразие жизненных стратегий и моделей пространственного развития. По сути, в Крыму формируется «новая деревня» — гетерогенное социальное пространство, где сосуществуют и взаимно влияют друг на друга курортные поселки, дачные товарищества, репатриантские массивы и традиционные аграрные села.

Будущая устойчивость сельских территорий Крыма и аналогичных южных регионов зависит от признания характерных для них локальных стратегий в качестве легитимных моделей развития. Для этого необходимо институциональное укрепление местного самоуправления, признание полицентричности как принципа территориального развития и поддержка низовых инициатив: когда жители способны эмоционально и деятельно вкладываться в сельское пространство, оно обретает потенциал роста и обновления, недоступный при сугубо «количественном» управлении, ориентированном на статистические показатели. Не стоит ожидать изобретения единственно справедливой муниципальной структуры — преимущество сельского пространства в многообразии форм поселений и практик преодоления социально-экономических трудностей, которые, возникая как неформальные, в итоге формализуются и становятся базовыми для экономики и общества.

Информация о финансировании

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990.
2. Алексеев А.И., Сафонов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2015. № 2.
3. Белозеров В.С. Трансформация этно-демографических и миграционных процессов на Северном Кавказе // Население Юга России: трансформация воспроизводства, расселения и образа жизни в современных geopolитических условиях. Ставрополь, 2009.
4. Весь Крым, 1920–1925. Симферополь, 1926.
5. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVII — конце XX века: численность, размещение, этнический состав. М., 2003.

6. Волосожарова В.А. Региональные особенности динамики сельского населения Украинской ССР // Проблемы повышения эффективности использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Украинской ССР. Полтава, 1972.
7. Вольхин Д.А., Швец А.Б., Яковенко И.М. Картографическая интерпретация исследования сельского образа жизни в Крыму // Интеркарто. Интергис. 2022. Т. 28. № 2.
8. Всемирная история. Т. 7. М., 1960.
9. Габриелян О.А., Петров В.П. Крым. Депортированные граждане: возвращение, обустройство, социальная адаптация. Симферополь. 1997.
10. Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования / Отв. ред. А.Г. Махрова. М., 2021.
11. Города и поселения Крымского ханства. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/291375-goroda-i-poseleniya-krymskogo-hanstva>.
12. Гришин Е.С. Водные ресурсы Крыма в составе Таврической губернии и их использование: опыт характеристики // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 2.
13. Гусаков Т.Ю. Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4.
14. Гусаков Т.Ю. Этнические миграции на Крымском полуострове (1783–2014) // Географический вестник. 2019. № 4.
15. Гусаков Т.Ю. Сельское расселение и миграции населения на Крымском полуострове // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7. № 3.
16. Дюргейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М., 1996.
17. Ена В.Г. В горах и на равнинах Крыма. Симферополь, 1973.
18. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 11. Одесса, 1879.
19. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018.
20. Зорин В.Ю., Старченко Р.А., Степанов В.В. Этническая и этнополитическая карта Крыма. М., 2017.
21. Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 3.
22. Кабузан В.М. Заселение Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII веке. (1719–1795) // Советская этнография. 1969. № 6.
23. Ковалев С.А. Сельское расселение (географическое исследование). М., 1963.
24. Ковалев С.А., Ковалевская Н.Я. География населения СССР. М., 1980.
25. Копак Л.В. Неперспективні села // Енциклопедія історії України. Т. 7. Київ, 2010.
26. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 1. СПб., 1875.
27. Кузнецов М.М. Формирование системы расселения Крыма под влиянием транспортного фактора // Ученые записки Таврического национального университета. Серия: География. 2004. Т. 17. № 4.
28. Лаптев Ю.Н. Особенности возвращения и формирования этнической группы немцев в АР Крым. М., 2003.
29. Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М., 1929.
30. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. Симферополь, 1897.
31. Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма 1784 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1888. Т. 6.
32. Луцник А.В. Проблемы рационального использования подземных вод в степном Крыму // Водные ресурсы. 1976. № 4.
33. Меметова Р.Ш. Социально-экологические проблемы расселения крымских татар // Ученые записки Таврического национального университета. Серия: География. 2011. Т. 24. № 2.
34. Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. М., 1970.
35. Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2006.

36. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М., 2003.

37. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. М., 2013.

38. *Нефедова Т.Г.* Сельское Ставрополье глазами московского географа. Ставрополь, 2012.

39. *Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиии А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества // Социологические исследования. 2015. № 12.

40. *Пасик Я.* Катастрофа еврейского крестьянства Юга Украины и Крыма. URL: https://evkol.ucoz.com/colony_holocaust.htm.

41. *Пасик Я.* Отдельные еврейские земледельческие поселения Юга Украины // URL: https://evkol.ucoz.com/separate_soviet_villages.htm.

42. *Пащеня В.Н.* Крымская область в советский период (1946–1991). Симферополь, 2008.

43. *Пивовар Г.А., Алексеев А.И., Гавриленко А.С., Гусаков Т.Ю., Дельва К.И., Корюхин Д.М.* Рост полифункциональности сельской местности // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2018. № 2.

44. *Покинищевский В.В.* География миграций населения в России. Дисс. д.геогр.н. М., 1947.

45. *Полян П.М.* Территориальные структуры — урбанизация — расселение. М., 2014.

46. Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 г. Симферополь, 1922.

47. *Рогожин Г.Н.* Сельское расселение Украинской ССР. Киев, 1973.

48. *Сеитова Э.И.* Переселенческий процесс в Крым: 1944–1953 // Культура народов Причерноморья. 2011. № 199.

49. *Сеитова Э.И.* Организация трудового переселения в Крым (1944–1976) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1.

50. *Синицын Ф.Л.* Советское государство и кочевники. М., 2019.

51. Список деревням и сельбищам, оставшимся после выхода татар за границу (1860–1866) // Памятная книга Таврической губернии. Вып. 1. Симферополь, 1867.

52. *Старченко Р.А.* Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII–XIX // Вестник КГУ. 2013. № 6.

53. *Теннис Ф.* Общность и общество. СПб., 2002.

54. *Ткаченко А.А., Фомкина А.А.* Глубинка Центральной России // Российская глубинка — модели и методы изучения. М., 2012.

55. *Трейвиии А.И.* «Сжатие» пространства: трактовка и модели // Сжатие социально-экономического пространства. М., 2010.

56. *Трейвиии А.И.* Сельско-городской континуум // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1.

57. *Троцук И.В.* Вопросы без ответов, или еще одно «измерение» российской сельской дифференциации // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 3.

58. *Троцук И.В.* Новый взгляд на старые проблемы российской периферии // Крестьяноведение. 2022. Т. 7. № 1.

59. *Троцук И.В.* Социальные аспекты российской географии: новый виток наблюдений за трансформациями межстоличного пространства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.

60. *Троцук И.В.* Типология и топология сельского расселения: возможности и ограничения краткого изложения // Крестьяноведение. 2025. Т. 10. № 2.

61. *Шевчук А.Г., Швец А.Б.* Политико-географический фактор эволюции крымской системы расселения // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2010. Вып. 1.

62. *Швец А.Б., Вольхин Д.А.* Исчезающие села Крыма как фрагмент в изучении «Иного Крыма» // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. Вып. 3.

63. *Швец А.Б., Киселева Н.В., Воронин И.Н., Вольхин Д.А., Яковлев А.Н.* Сельские территории Крыма: границы и содержание образа // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7. Вып. 3.

64. *Bourdieu P.* Social space and symbolic power // Sociological Theory. 1989. Vol. 7. No. 1.

65. *Hillyard S.* The Sociology of Rural Life. Oxford, N.Y., 2007.

66. *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford, 1991.

67. Mathews A.S. *Trees Are Shape Shifters: How Cultivation, Climate Change, and Disaster Create Landscapes*. Yale University Press, 2022.
68. Moon D. *The American Steppes: The Unexpected Russian Roots of Great Plains Agriculture, 1870s–1930s*. Cambridge University Press, 2020.
69. Park R. *The City: Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment* // *American Journal of Sociology*. 1915. Vol. 20. No. 5.
70. Vickery M.B. *Landscape and Infrastructure: Reimagining the Pastoral Paradigm for the Twenty-First Century*. Bloomsbury, 2020.
71. Wirth L. *Urbanism as a way of life* // *American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44. No. 1.
72. Woods M. *Rural*. L., N.Y., 2011.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-767-789

EDN: KDJYFI

Polarization of rural space in Southern Russia: The Crimean case*

T.Yu. Gusakov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru)

Abstract. In the post-Soviet period, social-economic differentiation in Russia has intensified, which is reflected in the concentration of population, capital and infrastructure in agglomerations and resort areas, while peripheral territories lose opportunities for development. This process has particularly affected small and medium-sized rural communities experiencing depopulation, declining employment and limited access to basic services. Thus, there is a system of uneven development, which consolidates differences between the center and the periphery. The Crimean Peninsula is a concentrated manifestation of such trends: differentiation of spatial development is reinforced by a combination of tourism and recreational specialization, differences in natural-resource conditions, and political-administrative transformations in the post-Soviet period. The contrast between coastal areas and large agglomerations, which concentrate investment and jobs, and rural settlements in the center of the peninsula, which experience population outflow and a lack of resources, makes the region illustrative for the analysis of territorial imbalances. The article identifies social mechanisms that determine differences in the dynamics of rural areas in Crimea. The case study is based on historical, geographical and social-economic analysis, statistical and archival materials, mapping and field observations. Spatial differentiation is considered as both a result of economic processes and a form of social inequality, which affects life strategies of rural communities and structure of local livelihood practices. The author shows that the transformation of settlement patterns in Crimea is accompanied by a reduction in the number of small villages, concentration of resources in a limited number of centers, and deepening rural-urban asymmetries. At the same time, there are compensatory mechanisms based on informal economy, horizontal mobility and local forms of mutual assistance, which explain the specifics of the Crimean rural transformation and the mechanisms of territorial differentiation in post-Soviet rural areas.

*© T.Yu. Gusakov, 2025

The article was submitted on 15.05.2025. The article was accepted on 14.10.2025.

Key words: rural areas; rural settlement; spatial polarization; rural-urban communities; migration; urbanization; spatial inequality

For citation: Gusakov T.Yu. Polarization of rural space in Southern Russia: The Crimean case. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (4): 767–789. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-767-789>

Funding

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program.

References

1. Alekseev A.I. *Mnogolikaya derevnya (naselenie i territoriya)* [Multifaceted Village: Population and Territory]. Moscow; 1990. (In Russ.).
2. Alekseev A.I., Safronov S.G. *Izmenenie selskogo rasseleniya v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka* [Changes in Russia's rural settlement in the late 20th — early 21st century]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*. 2015; 2. (In Russ.).
3. Belozerov V.S. *Transformatsiya etno-demograficheskikh i migratsionnyh protsessov na Severnom Kavkaze* [Transformation of ethno-demographic and migration processes in the North Caucasus]. *Naselenie Yuga Rossii*. Stavropol; 2009. (In Russ.).
4. Ves Krym, 1920–1925 [Crimea. 1920–1925]. Simferopol; 1926. (In Russ.).
5. Vodarsky Ya.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. *Naselenie Kryma v kontse XVII — kontse XX veka: chislenost, razmeshchenie, etnichesky sostav* [Population of Crimea in the Late 17th — Late 20th Centuries: Number, Distribution, Ethnic Composition]. Moscow; 2003. (In Russ.).
6. Volosozharova V.A. *Regionalnye osobennosti dinamiki selskogo naseleniya Ukrainskoi SSR* [Regional Features of the Rural Population Dynamics in the Ukrainian SSR]. Poltava; 1972. (In Russ.).
7. Volkhin D.A., Shvets A.B., Yakovenko I.M. *Kartograficheskaya interpretatsiya issledovaniya selskogo obraza zhizni v Krymu* [Cartographic interpretation of the study of rural lifestyle in Crimea]. *Interkarto. Intergis*. 2022; 28 (2). (In Russ.).
8. Vsemirnaya istoriya [World History]. Vol. 7. Moscow; 1960. (In Russ.).
9. Gabrielyan O.A., Petrov V.P. *Krym. Deportirovannye grazhdane: vozvrashchenie, obustroistvo, sotsialnaya adaptatsiya* [Crimea. Deported Citizens: Return, Settlement, Social Adaptation]. Simferopol; 1997. (In Russ.).
10. *Geourbanistika i gradostroitelstvo: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya* [Geo-Urban Studies and Urban Planning: Theoretical and Applied Research]. Moscow; 2021. (In Russ.).
11. Goroda i poseleniya Krymskogo khanstva [Cities and Settlements of the Crimean Khanate]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/291375-goroda-i-poseleniya-krymskogo-hanstva>. (In Russ.).
12. Grishin E.S. *Vodnye resursy Kryma v sostave Tavricheskoy gubernii i ih ispolzovanie* [Water resources of Crimea in the Taurida Province and their use]. *Istoriko-Geografichesky Zhurnal*. 2022; 1 (2). (In Russ.).
13. Gusakov T.Yu. *Selskaya neformalnaya ekonomika krymskogo sela Novoalekseevka* [Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (4). (In Russ.).
14. Gusakov T.Yu. *Etnicheskie migratsii na Krymskom poluostrove (1783–2014)* (Ethnic migrations on the Crimean Peninsula, 1783–2014). *Geografichesky Vestnik*. 2019; 4. (In Russ.).
15. Gusakov T.Yu. *Selskoe rasselenie i migratsii naseleniya na Krymskom poluostrove* (Rural settlement and migration on the Crimean Peninsula). *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*. 2021; 7 (3). (In Russ.).
16. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Moscow; 1996. (In Russ.).

17. Ena V.G. *V gorah i na ravninah Kryma* [In the Mountains and Plains of Crimea]. Simferopol; 1973. (In Russ.).
18. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Proceedings of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 11. Odessa; 1879. (In Russ.).
19. Simmel G. *Bolshie goroda i dukhovnaya zhizn* [The Metropolis and Mental Life]. Moscow; 2018. (In Russ.).
20. Zorin V.Yu., Starchenko R.A., Stepanov V.V. *Etnicheskaya i etnopoliticheskaya karta Kryma* [Ethnic and Ethno-Political Map of Crimea]. Moscow; 2017. (In Russ.).
21. Zubarevich N.V. *Transformatsiya selskogo rasseleniya i seti uslug v selskoj mestnosti* [Transformation of rural settlement and services network in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 2013; 3. (In Russ.).
22. Kabuzan V.M. *Zaselenie Severnogo Prichernomorya (Novorossii) v XVIII veke (1719–1795)* [Settlement in the Northern Black Sea Region (Novorossiya) in the 18th century, 1719–1795]. *Sovetskaya Etnografiya*. 1969; 6. (In Russ.).
23. Kovalev S.A. *Selskoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie)* [Rural Settlement: A Geographical Study]. Moscow; 1963. (In Russ.).
24. Kovalev S.A., Kovalskaya N.Ya. *Geografiya naseleniya SSSR* [Geography of Population in the USSR]. Moscow; 1980. (In Russ.).
25. Kovpak L.V. *Neperspektivnye sela* [Unpromising villages]. *Entsyklopediya istorii Ukrayiny*. Vol. 7. Kyiv; 2010. (In Ukrainian).
26. Kondarak V.Kh. *Universalnoe opisanie Kryma v 17 chastyah*. Ch. 1 [Universal Description of Crimea in 17 Parts. Part 1]. Saint Peterburg; 1875. (In Russ.).
27. Kuznetsov M.M. *Formirovaniye sistemy rasseleniya Kryma pod vliyaniem transportnogo faktora* [Formation of the Crimean settlement system under the influence of the transport factor]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Geografiya*. 2004; 17 (4). (In Russ.).
28. Laptev Yu.N. *Osobennosti vozvrashcheniya i formirovaniya etnicheskoi gruppy nemtsev v Avtonomnoi Respublike Krym (Ukraina)* [Features of the return and formation of the ethnic group of Germans in the Autonomous Republic of Crimea, Ukraine]. *Nemetskoe naselenie v postsstalinskom SSSR*. Moscow; 2003. (In Russ.).
29. Larin Yu. *Evrei i antisemitizm v SSSR* [Jews and Anti-Semitism in the USSR]. Moscow; 1929. (In Russ.).
30. Lashkov F.F. *Istorichesky ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniya* [Historical Essay on the Crimean-Tatar Land Ownership]. Simferopol; 1897. (In Russ.).
31. Lashkov F.F. *Kameralnoe opisanie Kryma 1784 goda (prodolzhenie)* [Cameral description of Crimea, 1784 (continuation)]. *Izvestiya Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*. 1888; 6. (In Russ.).
32. Lushchik A.V. *Problemy ratsionalnogo ispolzovaniya zapasov presnyh podzemnyh vod v raione stepnogo Kryma* [Issues of the rational use of fresh groundwater reserves in the steppe Crimea]. *Vodnye Resursy*. 1976; 4. (In Russ.).
33. Memetova R.Sh. *Sotsialno-ekologicheskie problemy rasseleniya krymskikh tatar na territorii Kryma* [Socio-ecological issues of the Crimean Tatar settlement in Crimea]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Geografiya*. 2011; 24 (2). (In Russ.).
34. *Migratsiya selskogo naseleniya* [Migration of Rural Population]. Ed. by T.I. Zaslavskoi. Moscow; 1970. (In Russ.).
35. Nemtsy Rossii: naselennye punkty i mesta poseleniya: entsiklopedichesky slovar' [Russian Germans: Settlements and Places of Residence: Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V.F. Dyzendorf. Moscow; 2006. (In Russ.).
36. Nefedova T.G. *Selskaya Rossiya na pereputye: geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays]. Moscow; 2003. (In Russ.).

37. Nefedova T.G. *Desyat aktualnyh voprosov o selskoi Rossii: otvety geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia: Answers of the Geographer]. Moscow, 2013. (In Russ.).

38. Nefedova T.G. *Selskoe Stavropolye glazami moskovskogo geografa* [Rural Stavropol in the Perception of the Moscow Geographer]. Stavropol; 2012. (In Russ.).

39. Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treyvish A.I. *Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i selskogorodskie soobshchestva v usloviyah rosta gorizontalnoi mobilnosti* [Urbanization, de-urbanization and rural-urban communities under increasing horizontal mobility]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 12. (In Russ.).

40. Pasik Ya. *Katastrofa evreiskogo krestyanstva Yuga Ukrayiny i Kryma* [Catastrophe of the Jewish peasantry in Southern Ukraine and Crimea]. URL: https://evkol.ucoz.com/colony_holocaust.htm. (In Russ.).

41. Pasik Ya. *Otdelnye evreiskie zemledelcheskie poseleniya Yuga Ukrayiny, osnovannyye v 1920–1930 gg.* [Some Jewish agricultural settlements in Southern Ukraine founded in the 1920s–1930s]. URL: https://evkol.ucoz.com/separate_soviet_villages.htm. (In Russ.).

42. Pashchenya V.N. *Krymskaya oblast v sovetsky period (1946–1991)* [Crimean Region in the Soviet Period, 1946–1991]. Simferopol; 2008. (In Russ.).

43. Pokshishevsky V.V. *Geografiya migratsii naseleniya v Rossii: opyt istoriko-geograficheskogo issledovaniya* [Geography of Population Migration in Russia: A Historical-Geographical Study]. Diss. d.geogr.n. Moscow; 1947. (In Russ.).

44. Polyan P.M. *Territorialnye struktury — urbanizatsiya — rasselenie: teoreticheskie podkhody i metody izucheniya* (Territorial Structures — Urbanization — Settlement: Theoretical Approaches and Methods of Study). Moscow; 2014. (In Russ.).

45. Pivovar G.A., Alekseev A.I., Gavrilenco A.S., Gusakov T.Yu., Delva K.I., Koryukhin D.M. *Rost polifunktionalnosti selskoi mestnosti: primer raiona na granitse Moskovskoi aglomeratsii* [The growth of multifunctionality of rural areas on the example of the district on the border of the Moscow agglomeration]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*. 2018; 2. (In Russ.).

46. Predvaritelnye itogi perepisi v Krymu v 1921 g. [Preliminary Results of the 1921 Census in Crimea]. Simferopol; 1922. (In Russ.).

47. Rogozhin G.N. *Selskoe rasselenie Ukrainskoi SSR* [Rural Settlement in the Ukrainian SSR]. Kiev; 1973. (In Russ.).

48. Seitova E.I. *Pereselenchesky protsess v Krym: 1944–1953* [Resettlement in Crimea, 1944–1953]. *Kultura Narodov Prichernomorya*. 2011; 1 (199). (In Russ.).

49. Seitova E.I. *Organizatsiya trudovogo pereseleniya v Krym (1944–1976)* [Organization of labor resettlement to Crimea, 1944–1976]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2013; 155 (3–1). (In Russ.).

50. Sinitsyn F.L. *Sovetskoe gosudarstvo i kochevniki* [Soviet State and Nomads]. Moscow; 2019. (In Russ.).

51. Spisok derevnyam i selbischcham, ostavshimsya posle vykhoda tatar za granitsu s 1860 po 1866 god [List of villages and settlements after the departure of Tatars abroad, 1860–1866]. *Pamyatnaya kniga Tavricheskoi gubernii*. Simferopol; 1867. (In Russ.).

52. Starchenko R.A. *Dinamika chislennosti i rasseleniya russkih Kryma v XVIII–XIX vekah* [Dynamics of the number and settlement of Russians in Crimea, 18th — 19th centuries]. *Vestnik KGU*. 2013; 6. (In Russ.).

53. Tönnies F. *Obschnost i obschestvo* [Community and Society]. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).

54. Tkachenko A.A., Fomkina A.A. *Glubinka Tsentralnoi Rossii: opyt formalizovannogo vydeleniya* [Central-Russian hinterland: An attempt of formalized identification]. *Rossiiskaya glubinka — modeli i metody izucheniya*. Moscow; 2012. (In Russ.).

55. Treyvish A.I. *“Szhatie” prostranstva: traktovka i modeli* [“Compression” of space: Interpretation and models]. *Szhatie sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva*. Moscow; 2010. (In Russ.).

56. Treyvish A.I. Selsko-gorodskoi kontinuum: sudba predstavleniya i ego svyaz s prostranstvennoi mobilnostiyu naseleniya [Rural-urban continuum: Fate of the concept and its connection with the population spatial mobility]. *Demograficheskoe Obozrenie*. 2016; 3 (1). (In Russ.).
57. Trotsuk I.V. Voprosy bez otvetov, ili eshche odno “izmerenie” rossiyskoy selskoy differentsiatsii [Questions without answers, or one more ‘dimension’ of the Russian rural differentiation]. *Russian Peasant Studies*. 2021; 6 (3). (In Russ.).
58. Trotsuk I.V. Novy vzglyad na staryye problemy rossiyskoy periferii [A new look at the old problems of the Russian hinterland]. *Russian Peasant Studies*. 2022; 7 (1). (In Russ.).
59. Trotsuk I.V. Sotsialnye aspekty rossiyskoy geografii: novy vitok nablyudeniy za transformatsiyami mezhstolichnogo prostranstva [Social aspects of Russian geography: A new round of the studies of the space transformations between two Russian capitals]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4). (In Russ.).
60. Trotsuk I.V. Tipologiya i topologiya selskogo rasseleniya: vozmozhnosti i ograniceniya kratkogo izlozheniya [Typology and topology of rural settlement: Possibilities and limitations of a brief presentation]. *Russian Peasant Studies*. 2025; 10 (2). (In Russ.).
61. Shevchuk A.G., Shvets A.B. Politiko-geografichesky faktor evolyutsii krymskoi sistemy rasseleniya naseleniya v XX — nachale XXI vv. [Political-geographical factor of the evolution of the Crimean settlement system in the 20th — early 21st centuries]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*. 2010; 1. (In Russ.).
62. Shvets A.B., Volkhin D.A. Ischezayushchie sela Krymskogo poluostrova kak fragment v izuchenii “Inogo Kryma” [Disappearing villages of the Crimean Peninsula as a fragment in the study of the “Other Crimea”]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*. 2020; 6 (3). (In Russ.).
63. Shvets A.B., Kiseleva N.V., Voronin I.N., Volkhin D.A., Yakovlev A.N. Selskie territorii Kryma: granitsy i soderzhanie obraza [Rural territories of Crimea: Boundaries and content of the image]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*. 2021; 7 (3). (In Russ.).
64. Bourdieu P. Social space and symbolic power. *Sociological Theory*. 1989; 7 (1).
65. Hillyard S. *The Sociology of Rural Life*. Oxford; New York; 2007.
66. Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford; 1991.
67. Mathews A.S. *Trees Are Shape Shifters: How Cultivation, Climate Change, and Disaster Create Landscapes*. Yale University Press; 2022.
68. Moon D. *The American Steppes: The Unexpected Russian Roots of Great Plains Agriculture, 1870s–1930s*. Cambridge University Press; 2020.
69. Park R. The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment. *American Journal of Sociology*. 1915; 20 (5).
70. Vickery M.B. *Landscape and Infrastructure: Reimagining the Pastoral Paradigm for the Twenty-First Century*. Bloomsbury Visual Arts; 2020.
71. Wirth L. Urbanism as a way of life. *American Journal of Sociology*. 1938; 44 (1).
72. Woods M. *Rural*. London; New York; 2011.